

294	0239	АННА БАРКОВА	“Надорванная скрипка“	Часть 1 “Пророчица“
295	0239-2	АННА БАРКОВА	“Надорванная скрипка“	Часть 2 “В адском кругу“

“Надорванная скрипка“
Часть 1 “Пророчица“

1.	Русская азиатка	– 1.31
2.	Черный платок	– 1.31
3.	Автопортрет	– 1.02
4.	Я как все	– 2.06
5.	Ярость	– 0.55
6.	Моя зазнобушка	– 2.46
7.	Прощай, рассудок мой	– 1.21
8.	Любимому недругу	– 2.09
9.	Смеюсь	– 1.36
10.	Власть музыки	– 3.01
11.	Вопросы	– 2.10
12.	Не гони меня	– 1.49
13.	Командор	– 1.21
14.	Беспризорники	– 1.17
15.	Зажигая и холодея	– 1.26
16.	Пророчица	– 1.26
17.	Нам отпущено	– 2.00
18.	Жалкая нищая	– 1.30
19.	Страх	– 1.03
20.	Без тебя	– 1.22
21.	Что я вижу?	– 1.27
22.	Инквизитор	– 2.41
23.	Обычное простое дело	– 1.16
24.	Горячая тройка	– 0.54
25.	Мертвый смех	– 1.53
26.	Упокой нашего бога	– 1.24
27.	Кошмар	– 1.24
28.	Север	– 1.05
29.	Благополучие раба	– 1.25
	<i>Общее время звучания</i>	<i>– 46.51</i>

Общее время звучания – 97.15

СОДЕРЖАНИЕ

1. РУССКАЯ АЗИАТКА

Размахнись-ка вечерком
Пламенеющим платком
И пройдишь-ка ты лужком,
Русская азиатка.

Желтым личиком дерзка,
И раскоса, и легка,
Пропляши-ка трепака,
Русская азиатка.

Ты задорна и смела,
И жестоко весела.

Ты с ума меня свела,
Русская азиатка.

Кровь одна в тебе и мне,
Нам в одном гореть огне,
В плясовом хмелеть вине,
Русская азиатка.

В круге рук своих замкни,
В сердце польем дохни,
Душу настезь распахни,
Русская азиатка.

Этим красным вечерком
Размахнемся мы платком
И упляшем далеко,
Русская азиатка.

2. ЧЁРНЫЙ ПЛАТОК

Я надена чёрный платок,
Его до бровей надвину,
И встану на тот уголок,
И потешу мою кручину.

Еще издали я замечу
Брови строгие, яркий румянец,
И знакомые шаг и плечи.
Сердце бросится в трепетный танец.

Он пройдет, меня не заметит,
А я его взглядом окину,
И что-то на миг осветит,
Приголубит мою кручину.

Побреду я за ним украдкой,
Снег не выдаст меня, пожалеет...
О, с какой пугливостью сладкой
Я буду взглядом его лелеять.

Он захлопнет калитку. Я вздрогну
И, прижавшись к воротам, застыну.
Он не слышит, как в светлые окна
Зазвенела моя кручина.

3. АВТОПОРТРЕТ

Голос хриплый и грубый, —
Ни сладко шептать, ни петь.
Немножко синие губы,
Морщин причудливых сеть.

А тело? Кожа да кости,
Прижмусь — могу ушибить.
А всё же — сомненья бросьте,

Всё это можно любить.

Как любят острую водку —
Противно, но жжет огнем,
Сжигает мозги и глотку
И делает смерда царем.

Как любят корку гнилую
В голодный чудовищный год, —
Так любят меня и целуют
Мой синий и черствый рот.

4. Я КАК ВСЕ

Что в крови прижилось, то не минется,
Я и в нежности очень груба.
Воспитала меня в провинции
В три окошечка мутных изба.

Городская изба, не сельская,
В ней не пахло медовой травой,
Пахло водкой, заботой житейскою,
Жизнью злобной, еле живой.

Только в книгах раскрылось мне странное
Сквозь российскую серую пыль,
Сквозь уныние окаянное
Мне чужая привиделась быль.

Золотая, преступная, гордая
Даже в пытке, в огне костра.
А у нас обрубали бороды
По приказу царя Петра.

А у нас на конюшне секли,
До сих пор по-иному секут,
До сих пор мы горим в нашем пекле
И клянем подневольный труд.

Я как все, не хуже, не лучше,
Только ум острее и сильней,
Я живу, покоряясь случаю,
Под насилием наших дней.

Оттого я грубо неловкая,
Как неловок закованный раб.
Человеческой нет сноровки
У моих неуклюжих лап.

5. ЯРОСТЬ

Как будто сломались линии,
Смешение красок и форм.
Обои комнаты синие
Показались мне морем в шторм.

Вверх рванулись плиты паркета,
И скользнули вниз потолки.
И, наверно, красного цвета
Были мои зрачки.

Левую руку я стала
Правой до боли сжимать,
Словно это была кинжала
Скользкая рукоять.

Пахнула в лицо мне жаром,
Как труба, загремевшая мгла.
Так вот что такое ярость,
Я только сейчас поняла.

6. МОЯ ЗАЗНОБУШКА

Сердце гордостью пытала я,
Не стерпела — воротилась,
Может, вспомнишь ты бывалое,
Переменишь гнев на милость.

Горе около похаживало
И постукивало в окна мне,
Ты прости, что накуражено,
Обними, чтоб сердце екнуло.

Позабудь мою похмельную
И нерадостную злобушку,
Вся, как ласточка, прострелена
Я тобой, моя зазнобушка.

Буду рада повиниться я
В самом тяжком и неслыханном,
Лишь бы яркою зарницею
Дорогое око вспыхнуло.

Лишь бы руки твои смуглые
Целовала и бледнела я,
А они бы, словно уголья,
Жгли мне пальцы онемелые.

7. ПРОЩАЙ, РАССУДОК МОЙ

Сгорела жизнь в одну неделю.
Поднять глаза не вмоготу.
Какою жгучею метелью
Меня умчало в пустоту?

Людская наша осторожность
Жалка, слепа и неверна.
Коль ты не веришь в невозможность
То, значит, сбудется она.

И не поймешь ты, бред ли это,
Или твой разум тяжко пьян,
С землей столкнулася комета,
Земля ли пала в океан.

Не раз и мне бывать случалось
На погибавшем корабле.
Вот я трезва. Но закачалась
На ровном месте, на земле.

Прощай, рассудок мой. Не буду
Тебе отныне доверять,
Судьбы насмешливой причуду
Ты не сумел предугадать.

Не верьте дружеским услугам, —
Мы близким ужасы дарим.
Сожжем испытанного друга,
От друга верного сгорим.

8. ЛЮБИМОМУ НЕДРУГУ

Ты никогда меня не спросишь,
Любимый недруг, ни о чем,
Улыбки быстрой мне не бросишь,
Не дрогнешь бровью и плечом.
Но будет память встречи каждой
Тебя печалью томить,
И вот захочешь ты однажды
Свою судьбу переломить.
И в буйстве страстного раскола,
И в недозволенной борьбе
Поймешь, о чем забытый голос
Шептал порывисто тебе.
И вспомнишь ты мой нежный ропот
И беспощадный свой запрет,
Но зарастут к былному тропы
Травую пережитых лет.
Немилосердная кручина
Приникнет к твоему плечу,
Но из ревнующей пучины
Уж я к тебе не прилечу.
Не прилечу я, но воспряну
В ответ на поздний твой призыв
И озарю тебя багряным
Далеким пламенем грозы.

9. СМЕЮСЬ

Смеюсь, и хочется мне плакать,
Бесстыдно плакать над собой,
Как плачет дождь в осеннем мраке
Над жалкой речкою рябой.

В одежде и в душе прорехи,
Не житие, а лишь житье.
Заплачу — оборвется в смехе
Рыданье хриплое мое.

Смеюсь, как ветер бесприютный,
Промерзший в пустоте степей.
Он ищет теплоты минутной,
Стучится он у всех дверей.

Смеюсь... В трактире, на эстраде
Смеется так убогий шут,
Актер голодный. Христа ради
Ему копейки подают.

10. ВЛАСТЬ МУЗЫКИ

Нет, это не во сне тяжелом снится,
Казнись, душа, за склонность к мятежу.
Так просто все. Была на колеснице,
Ну а теперь под колесом лежу.

Надолго смолкни, разум непреклонный,
И ничего не требуй, и не жди.
На жизнь гляди не с жадностью влюбленной,
С холодным отречением гляди.

Немеющее сердце, ты не сетуй
На то, что нет любовного тепла,
Что от далеких милых нет ответа,
Что жизнь сама навеки отошла.

Так почему, последнее влеченье,
Одно из всех не исчезаешь ты,
Лишь ты не поддаешься излеченью,
Болезнь поэтов, жажда красоты.

Все, чем жила, отбросила, забыла,
Теперь я зиму путаю с весной.
И лишь одно низвергнуть я не в силах —
Власть музыки, царящей надо мной.

11. ВОПРОСЫ

Это скука или отчаянье?
Или просто не вижу Вас?
Мы откуда-то резко отчалили,
Но куда мы причалим сейчас?

Все проходит от нас независимо,
От бунтующих наших воль.
Так зачем мне тревожными мыслями
Беречь мою новую боль?

Может, лучше отдаться течению,

Все равно ничего не решу.
Так зачем же, как прежде, мучению
Я упорно навстречу спешу?

И зачем я брожу неприкаянно
В этот жаркий полуденный час?
Я скучаю? Томлюсь ли отчаянно?
Или просто не вижу Вас?

12. НЕ ГОНИ МЕНЯ

Не гони меня, не гони.
Коротки наши зимние дни.

Отпылала и нас обожгла
Наша белая вешняя мгла.

Не хочу, чтобы кто-то из нас
Охладел, и замолк, и угас.

Чтобы кто-то из нас погасил
Эту вспышку надломленных сил.

И последнюю страсть в краю,
Где я горько смеюсь и пою

О любви своей и о том,
Что мы прошлое не вернем.

13. КОМАНДОР

Прорези морщин на бледном лбу,
Тусклый взор.
Командор вошел в мою судьбу,
Командор.

Словно смертный грех, неотвратим
Его шаг.
Вырастает ледяной вслед за ним
Мрак.

Он стоит, стоит под моим окном
И ждет.
Нет, не будет сном, только сном
Его приход,

Вот я слышу на ступенях тяжелой гирей
Шаг ног.
Ведь его когда-то в Страшном Мире
Знал Блок.

Это значит, мне теперь не нужен
Ритм строк.
Это значит, мой последний ужин
Недалек.

14. БЕСПРИЗОРНИКИ

День-лихач проскакал, как бешеный,
Вышиб искры из глаз фонарей.
Не хватайся рукой неутешной
За холодные руки дверей.

Ну-ка, ты, шофер тароватый,
Толстозадый московский лихач.
По кому из нашего брата
Ты промчался сегодня вскачь?

День нас топчет и стонов не слышит,
Ночь ползет подколодной змеей.
Есть у каждого хлеб и крыша —
Где же наше родное «домой»?

Проживают молодость люди
И плачут. А что за беда?
Вот о наших кто плакать будет
Загубленных детских годах?

Сразу в хворую старость дорога
Нашим «детством» для нас суждена.
Лет семнадцать живем, - не помногу,
А под сорок любому из нас...

15. ЗАЖИГАЯ И ХОЛОДЕЯ

Зажигаясь и холодея,
Вас клянущая и вам моллющая:
Византия моя, Иудея
И крутая свирепая Русь.

Вы запутанные, полночные
И с меня не сводите глаз,
Вы восточные, слишком восточные,
Убежать бы на запад от вас.

Где все линии ясные, четкие:
Каждый холм, и дворцы, и храм,
Где уверенною походкою
Все идут по своим делам,

Где не путаются с загадками
И отгадок знать не хотят,
Где полыни не пьют вместо сладкого,
Если любят, то говорят.

16. ПРОРОЧИЦА

Чем зазря слоняться дни и ночи,
Хорошо бы мне пойти пророчить
Про лихих правителей коварство,
Про приход антихристового царства.

Тех оно прельстит, кто всех премудрей,
Кто перевивает шелком кудри,
Кто считает злато да алмазы,
Тех, кто пишет хитрые указы,
Кто пылает, страстью обуянный,
Позабывший Бога, окаянный,
Кто отрекся от родного брата,
Кто пустой, и нищей, и проклятой
Сделал на года родную землю,
И она посева не приемлет,
Солнце отвергает в лютом гневе
И выносит гибель нашу в чреве.
Вот ударит час. И красный кочет
Православным людям запророчит,
Полыхнет широкими крылами
Над домами нашими, над нами.
Возгорится все кругом, до края,
Озарится путь к святому раю.
Выйдут, кто замучен заточеньем,
Сгибнет враг под Божьим обличеньем.

17. НАМ ОТПУЩЕНО

Нам отпущено полною мерою
То, что нужно для злого раба:
Это серое, серое, серое —
Небеса, и дожди, и судьба.

Оттого-то, завидев горящее
В багрянеющем пьяном дыму,
От желанья и счастья дрожащие,
Мы бежим, забываясь, к нему.

И пускаем над собственной крышею
Жарких, красных, лихих петухов.
Пусть сгорает все нужное, лишнее —
Хлеб последний, и дети, и кров.

Запирались мы в срубах раскольничьих
От служителей дьявольской тьмы.
И в чащобах глухих и бессолнечных
Мы сжигались и пели псалмы.

Вот и я убегаю от серого
Растревоженной жадной душой,
Обуянная страшною верою
В разрушенье, пожар и в разбой.

18. ЖАЛКАЯ НИЩАЯ

Блуждаю я жалкой нищей
Под нищий русский напев,
Мне служит горькою пищей
Ирония, скорбь и гнев.

Иду, не пугаясь бесчестья,
Навстречу вражде иду.
Мне ветер о близкой мести
Поет в мятежном бреду.

Поет он, что час мой грянет
Внезапно, в тихой ночи,
Когда все сгинет, увянет,
Иссякнут живые ключи.

Когда все надежды сгинут,
Тогда потрясет нас гром.
Снега загорятся и вспыхнут
Высоким – до неба – костром.

19. СТРАХ

Днём они все подобны пороху,
А ночью тихи, как мыши.
Они прислушиваются к каждому шороху,
Который откуда-то слышен.

Там, на лестнице... Боже! Кто это?
Звонок... К кому? Не ко мне ли?
А сердце-то ноет, а сердце ноет-то!
А с совестью — канители!

Вспоминается каждый мелкий поступок.
Боже мой! Не за это ли?
С таким подозрительным — как это глупо! —
Пил водку и ел котлеты!

Утром встают. Под глазами отеки.
Но страх ушел вместе с ночью.
И песню свистят о стране широкой,
Где так вольно дышит... и прочее.

20. БЕЗ ТЕБЯ

Я искала тебя во сне,
Но пути преграждали мне

То забор глухой, то овраг,
И я вспячь обращала шаг.

И слышала голоса:
— Уведут в четыре часа.

Я блуждала в тоскливом бреду:
— Я умру, если не найду!

Если вместе нельзя нам быть,
То мне незачем больше жить!

Ты нужнее, чем воздух и свет,

Без тебя мне и воздуха нет!

И в скитаньях страшного сна
Я терялась, больна и одна.

21. ЧТО Я ВИЖУ?

Жил в чулане, в избенке без печки,
В Иудее и в Древней Греции.
«Мне б немного тепла овечьего,
Серной спичкой могу согреться».

Он смотрел на звездную россыпь,
В нищете своей жизнь прославил.
Кто сгубил жизнелюба Осю,
А меня на земле оставил?

Проклинаю я жизнь такую,
Но и смерть ненавижу истово,
Неизвестно, зачем взыскую,
Неизвестно, зачем воинствую.

И, наверно, в суде последнем
Посмеюсь про себя ядовито,
Что несут серафимы бредни
И что арфы у них разбиты.

И что мог бы Господь до Процесса
Все доносы и дрязги взвесить.
Что я вижу? Главного Беса
На прокурорском месте.

22. ИНКВИЗИТОР

Я согбенный позором,
Снегов альпийских белей,
Склонился под огненным взором,
Под взором моим Галилей.

И взгляд я отвел в раздумье,
И руки сжал на кресте. —
Ты прав, несчастный безумец,
Но гибель в твоей правоте.

Ты сейчас отречешься от мысли,
Отрекаться будешь и впредь.
Кто движенье миров исчислит,
Будет в вечном огне гореть.

Что дадите вы жалкой черни?
Мы даем ей хоть что-нибудь.
Все опасней, страшней, неверней
Будет избранный вами путь.

Вы и сами начнете к Богу

В неизбывной тоске прибегать.
Разум требует слишком много,
Но не многое может дать.

Затоскуете вы о чуде,
Прометеев огонь кляня,
И осудят вас новые судьи,
Беспощадней в сто крат, чем я.

Ты отрекся, не выдержал боя,
Выходи из судилища вон.
Мы не раз столкнемся с тобою
В повторенье и в смуте времен.

Я огнем, крестом и любовью
Усмиряю умов полет.
Стоит двинуть мне хмурой бровью,
И тебя растерзает народ.

Но сегодня он жжет мне руки,
Этот крест. Он горяч и тяжел.
Сквозь огонь очистительной муки
Слишком многих я в рай провел.

Солнца свет сменяется мглою,
Ложь и истина — всё игра.
И пребудет в веках скалою
Только церковь Святого Петра.

23. ОБЫЧНОЕ ПРОСТОЕ ДЕЛО

Все вижу призрачный и душный,
И длинный коридор.
И ряд винтовок равнодушных,
Направленных в упор.

Команда... Залп... Паденье тела.
Рассвета хмурь и муть.
Обычное простое дело,
Не страшное ничуть.

Уходят люди без вопросов
В привычный ясный мир.
И разминает папиросу
Спокойный командир.

Знамена пламенную песню
Кидают вверх и вниз.
А в коридоре душном плесень
И пир голодных крыс.

24. ГОРЯЧАЯ ТРОЙКА

Нас душит всяческая грязь
И всяческая гнусь.

Горячей тройкою неслась
Загадочная Русь.

И ночь была, и был рассвет,
И музыка, и жуть.
И сколько пламенных комет
Пересекло ей путь.

Вплетался яростно в полет
Безумный вихрь поэм.
Домчалась. Пала у ворот,
Распахнутых в Эдем.

Смешался с грязью и с песком
Кровавый жалкий прах.
И будет память обо всем
Затеряна в веках.

25. МЁРТВЫЙ СМЕХ

Смотрим взглядом недвижимым и мертвым,
Словно сил неизвестных рабы,
Мы, изгнавшие Бога и черта
Из чудовищной нашей судьбы.

И желанья, и чувства на свете
Были прочны, как дедовский дом,
Оттого, словно малые дети,
Наши предки играли с огнем.

День весенний был мягок и розов,
Весь — надежда и весь — любовь.
А от наших лихих морозов
И уста леденеют, и кровь.

Красоту, законы и право —
Всё в одном схороним гробу.
Только хлеба кусок кровавый
Разрешит мировую судьбу.

Нет ни Бога, ни черта отныне
У нагих обреченных племен,
И смеемся в мертвой пустыне
Мертвым смехом библейских времен.

26. УПОКОЙ НАШЕГО БОГА

Упокой нашего бога,
Каменная земля,
Горевала о нем немного
Двуногая умная тля.

Молились мы по уставу
И так же слагали персты.
Усопшему богу слава,

Готовьте новым кресты.

Героям — вечная память.
Если скончался бог,
Кто бы теперь над нами
Возвыситься дерзко смог?

Равно и ровно отныне,
Любезное стадо, пасись.
К чему счастливой скотине
Какая-то глубь и высь?

27. КОШМАР

Этакий запутанный ребус —
Жить с тревогой такой.
Низкое синее небо —
С крыши достанешь рукой.

Душно под ним и тяжело,
Ясный дневной кошмар:
С околышем красным фуражка,
Бараки, стационар.

Цинизм и взгляда, и речи,
Арестантский распутный жест,
И виден из зоны далече
Шестой ли, седьмой ли крест.

Но это не для распятья,
Телеграфные это столбы.
Нас медленно душат объятья
Арестантской нашей судьбы.

Нам тело не распинают,
А душу распяли давно.
Мы это сами знаем,
Но нам уже все равно.

Так вырвем у нашей жизни,
Что можно вырвать, отнять,
Все судорожной, капризной,
Все гибельнее — как знать!

28. СЕВЕР

Что ж, мучай, замучай, домучай!
Ты, север, так сходен со мной:
Взгляд солнца короткий и жгучий,
Минута метели хмельной.

И вьется она, и смеется,
Змеєю кругом обовьет,
А сердце тревожно забьется
И так же тревожно замрет.

Метельную тяжкую тучу
Луч солнца случайно прорвет
И снова метелью колючей,
Как петлей, меня захлестнет.

В чем больше пугающей страсти:
В метели, в луче ли, как знать?
Но только у них я под властью,
Из сердца мне их не изгнать.

29. БЛАГОПОЛУЧИЕ РАБА

И вот благополучие раба:
Каморочка для пасквильных писаний,
Три человека в ней. Свистит труба
Метельным астматическим дыханьем.

Чего ждет раб? Пропало все давно,
И мысль его ложится проституткой
В казенную постель. Ей все равно.
Но иногда становится так жутко...

И любит человек с двойной душой,
И ждет в свою каморку человека,
В рабочую каморку. Стол большой,
Дверь на крючке, замок-полукалека...

И каждый шаг постыдный так тяжел,
И гнусность в сердце углубляет корни.
Пережила я много всяких зол,
Но это зло всех злее и позорней.